

Глубокая печаль Хан Минчжу не находила отклика в душе Хан Сиэня.

Он уже в третий раз видел этот сундук с одеждой. Сиэнь знал даже о том, что в потайных карманах нарядов припрятаны банковские векселя, оставленные старой госпожой Ван — весьма внушительная сумма, если сложить всё вместе.

Эти вещи предназначались для прежнего Хан Сиэня — того, кто действительно их ждал. Старая госпожа Ван всем сердцем любила внуков. В своё время она смогла забрать к себе Минчжу лишь потому, что та была девочкой.

Сиэнь же был наследником мужского пола, законным первенцем, продолжателем рода Хань. Ради сохранения лица семья ни за что не отдала бы мальчика родственникам по материнской линии — иначе поползли бы слухи, подтверждающие, что в герцогском поместье издеваются над собственными детьми. К тому времени, когда старая госпожа Ван прислала служанок для присмотра за сиротами, Хан Чжо уже успел заработать безупречную репутацию в свете.

Но у старой госпожи Ван были и собственные внуки. Заботясь об их будущем и не желая марать их имена семейными распрями, она не могла пойти на открытый конфликт и силой увести Сиэня.

Мальчик стал её вечной тревогой. Прожив долгую жизнь на женской половине дома, госпожа Ван прекрасно знала, на какие коварства способны мачехи. Воспитать достойного человека — тяжкий труд, а вот погубить и разбаловать — проще простого.

Она искренне жалела внука, постоянно молилась о нём, понимая всю его горькую участь. И всё же её любимицей оставалась Минчжу, выросшая у неё на глазах. Именно поэтому, умирая, старушка напутствовала внуку: если брат затаит на неё обиду из-за безбедного детства у родственников, лучше держаться от него подальше. В этом решении была её личная корысть, но здесь нет правых и виноватых. Лишь неизбежный выбор.

Хан Минчжу лила слезы над сундуком, потому что выросла в любви и неге в доме Ван, видя лишь бессилие угасающей бабушки. Поместье герцога Хань оставалось для неё чужим местом, где о ней не вспоминали больше десяти лет. Этот дом она не считала родным.

Бабушка годами твердила ей о родном брате. Зная, что семья Хань вычеркнула её из своей жизни, Минчжу легко догадывалась: её брату в отцовском доме приходится несладко. Она жалела его, сокрушалась о несбывшихся надеждах покойной госпожи Ван. Это была её правда, её собственный взгляд на вещи.

Вот только прежний наследник, который принял бы сестру с распростёртыми объятиями, давно умер. А занявший его тело новый Хан Сиэнь был равнодушным, циничным и ленивым существом. Он тяготился самим фактом своего существования и мечтал лишь об одном — поскорее переродиться.

Разумеется, Сиэнь держал свои мысли при себе. Пусть он не отличался мягкостью характера, но и беречь чужие раны ради забавы не собирался. Он умел читать чужие помыслы, безошибочно отличая искренность от притворства. Прежний Сиэнь был лишён этого дара — он блуждал в потёмках, не имея рядом ни одного любящего человека, способного направить его. Одиночество и непонимание подтачивали его силы, пока болезнь не свела его в могилу. В этой жизни старая госпожа Ван и Хан Минчжу оставались его единственными близкими родственниками. Этого не изменить. Но и ждать от него сыновней преданности или братской нежности не стоило: он не был тем самым Сиэнем, чья кровь текла в их жилах. Такова была его позиция. И в ней тоже не было греха.

Тем не менее, как и тогда у ворот, когда он мимоходом заступился за сестру, Сиэнь не собирался мириться с тем, что ранило его взор. Если кто-то осмеливался нагнеть в его присутствии, он не ленился проучить обидчика. Поделаться с этим он ничего не мог: умерев слишком много раз, в этой жизни он терпеть не мог, когда кто-то вел себя более вызывающе, чем он сам.

Минчжу понимала, что она больше не на Заставе Небесных Врат у бабушки. Здесь ей никто не позволит капризничать, и защитить её некому. Дай она волю слезам, недоброжелатели тут же обвинят её в непочтительности к новой семье, что навредит и ей, и брату.

Она захлопнула крышку сундука и, взглянув на Сиэня, тихо произнесла:

— Братец, прими это. Такова была воля нашей покойной бабушки.

Сиэнь равнодушно кивнул. Минчжу, опасавшаяся резкого отказа, с облегчением вздохнула.

Разговор иссяк. Хозяин комнаты безмолвствовал, Минчжу не знала, о чём спросить, а Хан Цинюань, пришедшая исключительно из праздного любопытства, не спешила заводить беседу. Атмосфера сделалась натянутой.

В сущности, они оставались друг для друга чужаками. Цинюань, недавно вернувшаяся из южных земель Цзяннаня, отродясь не видела Сиэня, а уж о существовании Минчжу и вовсе знала лишь понаслышке. Сама же Минчжу, прибыв с далёкой западной границы, впервые в жизни видела брата, не говоря уже о мачехе, отце и кузинах. Кровные родственники, обязанные быть самыми близкими людьми, не могли выдать из себя ни слова. Минчжу несколько раз порывалась что-то сказать, но так и не решилась. Она не знала, чем увлекается её брат, не понимала, стоит ли заводить с Цинюань разговор о музыке или живописи, а потому предпочла промолчать.

В тягостном молчании Хан Цинюань окончательно пожалела о своём визите. Любопытство того не стоило — здесь было невыносимо скучно. Поднявшись, она сослалась на то, что матушка ждёт её для домашних занятий, и поспешила откланяться. Минчжу воспользовалась предложением и ушла вместе с ней. Хотя Сиэнь приходился ей родным братом, правила приличия строго требовали разделения полов с семи лет. Они уже вышли из детского возраста, когда могли общаться без стеснения, и теперь надлежало строго соблюдать дистанцию.

Как только Минчжу и Цинюань разошлись по своим покоям, последнюю тут же перехватили другие девицы дома Хань. Сгорая от любопытства, они принялись расспрашивать кузину о том, какое богатство привезла Минчжу своему брату в заветном сундуке.

Цинюань, утомлённая их навязчивостью, лишь презрительно фыркнула:

— Нашли чему завидовать! Сундук набит старьём. Их покойная бабушка по материнской линии шила нашему третьему брату одежду. Судя по всему, по одному наряду на каждый год его жизни. Все вещи, кроме тех, что сшиты этой весной, давно малы.

Девушки разочарованно переглянулись. С вежливыми, натянутыми улыбками они пробормотали, что четвертая сестра чрезвычайно заботлива, после чего мигом сменили тему и принялись весело щебетать о пустяках, напрочно позабыв о сундуке.

Провожая их взглядом, Цинюань лишь тихо усмехнулась.

Её матушка, госпожа Вэнь, выслушав жалобы дочери, легонько постучала пальцем по её лбу и обозвала глупышкой. После этого она потащила Цинюань на половину старой госпожи Хань. Там госпожа Вэнь принялась горько плакаться, сокрушаясь, что её дочь выросла слишком прямодушной и наивной, совершенно не понимает тонкостей интриг и позволяет другим девушкам использовать себя в качестве громоотвода.

Сама Цинюань находила причитания матери бессмысленными. Стоя на коленях рядом с ней перед старой госпожой, она лишь невинно хлопала глазами. Старая госпожа Хань, взирая со своего возвышения на её растерянное лицо, испытала лишь глухую досаду и велела госпоже Вэнь немедленно увести дочь с глаз долой.

Когда они вышли, старая госпожа привлекла к себе Хан Цинсюэ, сидевшую рядом, и ласково похлопала её по руке:

— Из всех внучек в этом доме только ты, старшая, по-настоящему понимаешь моё сердце и заботишься обо мне.

Цинсюэ застенчиво улыбнулась и, прижавшись к плечу бабушки, кокетливо проговорила:

— Бабушка просто балует меня. Будь здесь кузина Юйчжу, мне бы ни за что не досталось столько ласки. До сих пор корю себя за то, что недоглядела в прошлый раз, когда она поранилась. Счастье, что вы не держите на меня зла, иначе я бы лишилась сна и покоя.

При упоминании ранения Хэ Юйчжу лицо старой госпожи омрачилось. Она тут же вспомнила, как Хан Сиэнь безжалостно сломал девочке запястье. Лекарь кости-то вправил, однако строго-настрого велел три месяца беречь руку и избегать малейших нагрузок, иначе она навсегда останется калекой.

Хан Сю каждый день приходила плакаться к матери, причитая о своей горькой доле и несчастье бедной Юйчжу. Из-за увечья девочка не могла посещать званые вечера столичной знати, лишаясь возможности показаться в свете. Старая госпожа, слушая эти жалобы, растроганно лила слезы вместе с дочерью.

Однако о случившемся узнал сам Император, который к тому же прислал двух принцев навестить Сиэня. Воля государя была выражена яснее некуда, и старая госпожа не смела выказывать недовольство или чинить Сиэню препятствия — это сочли бы бунтом против монаршей милости. Сгорая от жалости к дочери и внучке, старая госпожа лишь щедро одарила их драгоценностями из собственной кладовой. С тех пор её неприязнь к Сиэню только окрепла, распространившись и на Минчжу, которая лицом пошла в свою покойную мать.

Заметив, как потемнело лицо бабушки, Цинсюэ скромно потупилась, скрывая под пушистыми ресницами торжество. Как старшая законная дочь, она с младенчества воспитывалась в строгости, славилась безупречными манерами, изяществом и кротким нравом.

Она прекрасно знала, что тётушка Хан Сю спит и видит, как пристроить свою дочь за пятого принца, Цзи Хуая. Однако саму Юйчжу она никогда не считала соперницей. Та, кроме смазливового личика, ничем похвастаться не могла — вздорная, капризная и пустая девица. К тому же Цинсюэ однажды заметила, как принц недовольно поморщился при виде ужимок Юйчжу, что лишь укрепило её уверенность: такой особе никогда не завоевать его сердце.

Но теперь в поместье вернулась Хан Минчжу. Она превосходила её яркостью красоты, её манеры казались более благородными, а осанка — поистине царственной. Это заставило Цинсюэ насторожиться. Пусть старая госпожа сейчас и недолюбливала вновь обретенную внучку, ради выгоды она могла легко сменить гнев на милость. А значит, следовало регулярно напоминать старухе, чьей именно сестрой является Минчжу.

Вернувшись к себе, госпожа Вэнь выставила слуг за дверь и, тяжело опустившись на стул, грозно спросила дочь:

— Ну и? Понимаешь ли ты, глупая, где оступилась?

Цинюань робела перед разгневанной матерью. Поджав губы, она тихо пролепетала:

— Ну... Цинсюэ с сёстрами хотели выставить Минчжу в дурном свете перед старой госпожой, а я просто не стала им подпевать.

У госпожи Вэнь от этих слов едва не разболелась голова. Ткнув пальцем в сторону дочери, она воскликнула:

— Тогда скажи мне, почему Минчжу, направляясь со своими пожитками в Дворик Душистых Орхидей, столкнулась именно с тобой?

Цинюань удивленно округлила глаза:

— Матушка, неужели вы думаете, что это подстроено? Не может быть. Минчжу только с дороги, она меня знать не знает. Как она могла предугадать, что я увяжусь за ней, да ещё и выложу сёстрам всю правду?

— Эх, дитя моё, у тебя же все мысли на лице написаны! Любой дурак поймет, что у тебя на уме. Даже если бы ты промолчала, Минчжу нашла бы способ обелить себя, у неё наверняка был готов запасной план. — Госпожа Вэнь устало потерла виски. — Я ведь сколько раз наказывала тебе: держись подальше от этих двоих! Почему ты никогда не слушаешь? Если рассердишь бабушку, тебе же не поздоровится.

Цинюань недовольно поморщилась:

— Матушка, да какая разница? В конце концов, это поместье унаследует её брат. Что нам сделает старая госпожа?

— Так я и знала, жизнь на юге совсем вскружила тебе голову, — лицо госпожи Вэнь помрачнело. Она крепко сжала руку дочери и заговорила со всей серьезностью: — Запомни мои слова, я повторяю их лишь раз. Кому бы ни достался этот титул, пока живы мужчины первой и второй ветвей, нам, третьей ветви, ловить здесь нечего. Но тебе пора подумать о себе. Ты уже на выданье. Если старая госпожа решит вмешаться в твою помолвку, твой отец, будучи примерным сыном, не посмеет ей перечить. И не надейся, что его отцовская любовь защитит тебя. Вспомни: стоило старухе велеть нам остаться в столице и забыть о Цзяннане, как твой отец безропотно подчинился, не проронив ни слова возражения.

Госпожа Вэнь впервые говорила с дочерью о её замужестве столь откровенно. Но Цинюань не почувствовала смущения — её лишь обдало ледяным ветром суровой реальности.

Она опустила голову и глухо ответила:

— Я поняла вас, матушка.

Видя её понурый вид, госпожа Вэнь мягко вздохнула:

— Хорошо, что понимаешь. Со временем всё уложится в голове. Я желаю тебе только добра, помни об этом.

Сама госпожа Вэнь предпочла бы выдать дочь замуж в Цзяннане. Они принадлежали к третьей ветви рода Хань. Когда старая госпожа покинет этот мир, братья разделят имущество, и громкое имя герцогского дома потеряет былую силу. В Цзяннане же всё обстояло иначе: Хан Пин правил там много лет, оброс связями и влиянием. Найти благородного и достойного зятя не составило бы труда. Цинюань была хороша собой, умна, и никто на юге не посмел бы

пренебречь союзом с ней.

Однако у старой госпожи Хань и самого Хан Пина были совершенно иные планы. Они спали и видели, как выдадут девицу за представителя столичной знати, чтобы укрепить положение семьи при дворе. Госпожа Вэнь не стала усугублять тревоги дочери этими подробностями. Ей оставалось лишь втайне вздыхать и надеяться, что судьба уберёжёт её девочку от корыстных союзов.

Служанка Ло Ся быстро разузнала все сплетни на женской половине дома. Минчжу, чьё здоровье и без того оставляло желать лучшего, с утра пораньше отправилась засвидетельствовать почтение старой госпоже, после чего сразу пришла во Дворик Душистых Орхидей. Вернувшись к себе, она слегла в лихорадке, наглотавшись холодного ветра. Узнав о её слабости, старая госпожа велела передать, что освобождает Минчжу от утренних визитов до полного выздоровления.

Подавая Сизню свежий чай, Ло Ся подробно выложила ему все эти новости. Сизнь сделал глоток и обронил лишь короткое:

— Свободна.

Служанка так и не поняла, доволен ли хозяин её рвением, и, не смея испытывать его терпение, поспешно удалилась.

Допив чай, Сизнь поднял взгляд и приказал слугам покинуть Дворик Душистых Орхидей, строго запретив заходить без особого распоряжения.

Ло Ся торопливо собрала посуду и скрылась. Стоило тишине воцариться в саду, как Сизнь перевёл взгляд на старое абрикосовое дерево у ограды и слегка нахмурился. Спустя мгновение над кирпичной кладкой забора показалась взъерошенная макушка Бай Шу.

Бай Шу широко улыбнулся, встретившись с ним глазами, и бесшумно спрыгнул на землю. Подойдя ближе, он заговорил с явным облегчением:

— Ну и охрана у тебя, Сизнь! Я всё думал, как проскользнуть мимо этой оравы незамеченным, а ты их сам выставил. Очень вовремя.

Сизнь молча разглядывал незваного гостя. Секунду назад, когда тот ещё сидел за забором, его мысли читались как открытая книга:

"Почему здесь столько слуг? — размышлял в тот момент Бай Шу. — Если я просто спрыгну, девки поднимут визг. Может, оглушить их чем-нибудь тяжёлым, чтоб под ногами не путались?"